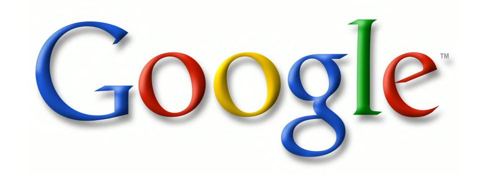

A 470127
DUPL

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Иванъ Бунинъ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

1903—1906 г.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида, Конная, 3—5.
1906.

ИВАНЪ БУНИНЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КАНУНЪ КУПАЛЫ.

Не туманъ бѣлѣетъ въ темной рощѣ—
Ходитъ въ темной рощѣ Богоматерь.
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
За̀стятъ ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро—пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ—пали росы,
Пахнетъ подъ росою медуница,
Золотой вѣнецъ по рощамъ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
Голубыя очи—точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ божьему престолу.

Скоро ночь—имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ—солнце сгубитъ зноемъ...
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

„Погляди, возлюбленное чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мірѣ Смерть—она и Жизнью правитъ".

Но Христосъ Ей молвитъ: „Мать! не солнце—
Только землю тьма ночная кроетъ:
Смерть не сѣмя губитъ, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

„И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скоситъ Смерть—Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!"

ПОЛЮСЪ.

Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда
Воздвигла Смерть. Надъ чумомъ—ночь полгода,
И блѣдная Полярная Звѣзда
Горитъ недвижно въ безднѣ небосвода.

Вглядись въ гигантскій призракъ. Это Смерть.
Она сидитъ близь чума, устремила
Незрячій взоръ въ полуночную твердь—
И навсегда звѣзда надъ ней застыла.

ХРИЗАНТЕМЫ.

На окнѣ, серебряномъ отъ инея,
Точно хризантемы расцвѣли.
Въ верхнихъ стеклахъ—небо ярко-синее
И застрѣха въ снѣговой пыли.

Всходитъ солнце, бодрое отъ холода,
Золотится отблескомъ окно;
Утро тихо, радостно и молодо,
Бѣлымъ снѣгомъ все запушено.

И все утро яркія и чистыя
Буду видѣть краски въ вышинѣ,
И до полдня будутъ серебристыя
Хризантемы на моемъ окнѣ.

ВЪ ПОРТУ.

Огромный, красный, старый пароходъ
У мола сталъ, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣетъ молъ и, радостно синѣя,
Безоблачный сіяетъ небосводъ.

Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Морской водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ... И спитъ лѣнивый портъ,
Спятъ грузчики... Бѣлѣетъ молъ безлюдный.

Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ ракушкахъ... Ихъ слой зелено-ржавый
Наросъ давно... У Суматры, у Явы,
Въ Великомъ Океанѣ... въ зной и штиль.

Мальчишка-негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадьѣ, по борту, краситъ бакъ—
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальныя восходятъ арабески.

И лакъ блеститъ подъ черною рукой,
Слѣпитъ глаза... И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поетъ... Простой напѣвъ Судана
Звучитъ въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

САПСАНЪ.

Зимняя поэма.

А. М. Ѳедорову.

Въ поляхъ, далеко отъ усадьбы,
Зимуетъ просяной ометъ.
Тамъ табунятся волчьи свадьбы,
Тамъ клочья шерсти и пометъ.
Воловьи ребра у дороги
Торчатъ въ снѣгу—и спалъ на нихъ
Сапсанъ, стервятникъ космоногій,
Готовый взвиться каждый мигъ.

Я застрѣлилъ его. А это
Грозитъ бѣдой. И вотъ ко мнѣ
Сталъ волкъ ходить. Онъ до разсвѣта
Вкругъ дома бродитъ при лунѣ.
Я не видалъ его. Я слышалъ

Лишь хрустъ шаговъ... Но спать не въ мочь.
На третью ночь я въ поле вышелъ...
О, какъ была печальна ночь!

Когтистый слѣдъ въ снѣгу глубокомъ
Въ глухія степи велъ съ гумна.
На небѣ мглистомъ и высокомъ
Плыла полночная луна.
За валомъ, надъ привадой въ ямѣ,
Сѣро маячила ветла.
Даль надъ пустынными полями
Была таинственно-свѣтла.

Облитый этимъ страннымъ свѣтомъ,
Подавленъ мертвой тишиной,
Я сталъ—и блѣднымъ силуэтомъ
Упала тѣнь моя за мной.
По небесамъ, въ туманной мути,
Сіяя, лунный ликъ нырялъ
И серебристымъ блескомъ ртути
Слюду по насту озарялъ.

Кто былъ онъ, этотъ полуночный

Незримый гость? Откуда онъ
Ко мнѣ приходитъ въ часъ урочный
Черезъ сугробы подъ балконъ?
Иль онъ узналъ, что я тоскую,
Что я одинъ? Что въ домъ ко мнѣ
Лишь снѣгъ да небо въ ночь глухую
Глядятъ изъ сада при лунѣ?

Быть можетъ, онъ сегодня слышалъ,
Какъ я, покинувъ кабинетъ,
По темной спальнѣ въ залу вышелъ,
Гдѣ въ сумракѣ мерцалъ паркетъ,
Гдѣ въ окна небеса синѣли,
А въ синемъ небѣ четко всталъ
Чернозеленый конусъ ели
И острый Сиріусъ блисталъ?

Теперь луна была въ зенитѣ,
На небѣ плылъ густой туманъ...
Я ждалъ *его*,—я шелъ къ ракитѣ
По насту снѣговыхъ полянъ,
Я шелъ убить, я слушалъ чутко
Малѣйшій звукъ... Но отчего
Мнѣ было въ эту ночь такъ жутко
И за себя, и за него?

Онъ былъ мой врагъ, мы оба ждали
Смертельной встрѣчи. Ужъ не разъ
Мы другъ за другомъ наблюдали
Въ глухую ночь, въ полночный часъ.
Въ безлюдьи, на равнинѣ дикой,
Мы оба знали, что живемъ
Ея таинственной, великой
Зловѣщей чуткостью—вдвоемъ.

Но эта тишина пугала,
Въ ней крылось колдовство Судьбы...
И не Судьба-ль подстерегала?
Она, она! А мы—рабы,
И оба одиноки въ полѣ,
И оба жалки... И одной
Обречены печальной долѣ:
Стеречь другъ друга въ часъ ночной...

И все же только мѣткость пули
Одна могла спасти меня,
И если-бъ предо мной блеснули
Два фіолетовыхъ огня,
И если-бъ врагъ мой отъ привады
Внезапно прянулъ на сугробъ,—

Я-бъ изъ винтовки безъ пощады
Пробилъ его широкій лобъ!

Но онъ не шелъ. Луна скрывалась,
Луна сіяла сквозь туманъ,
Бѣжала мгла... И мнѣ казалось,
Что на снѣгу сидитъ Сапсанъ.
Морозный иней, какъ алмазы,
Сверкалъ на немъ, а онъ дремалъ,
Сѣдой, зобастый, круглоглазый,
И въ крылья голову вжималъ.

И былъ онъ страшенъ, непонятенъ,
Таинственъ, какъ этотъ бѣгъ
Туманной мглы и свѣтлыхъ пятенъ,
Порою озарявшихъ снѣгъ,—
Какъ воплотившаяся сила
Той Воли, что въ полночный часъ
Насъ страхомъ всѣхъ соединила—
И сдѣлала врагами насъ.

Онъ умерщвленъ. Но онъ—эмблема
Той дикой жизни, тѣхъ степей,

Гдѣ эта грубая поэма
Слагалася въ душѣ моей.
Онъ умерщвленъ. Но нѣтъ прощенья
За смерть его, сказалъ башкиръ:
Онъ генiй зла, онъ демонъ мщенья,
Онъ дьяволъ, покорившiй мiръ!

РУССКАЯ ВЕСНА.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ ужъ на улицѣ—лужи,
Зола, синеватая грязь.
Въ избахъ—угаръ, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.

Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ—темно отъ угара,
Туманно и тихо—въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь.

ОДИНОЧЕСТВО.

П. А. Нилусу.

И вѣтеръ, и дождикъ, и мгла
    Надъ холодной пустыней воды.
Здѣсь жизнь до весны умерла,
    До весны опустѣли сады.
Я на дачѣ одинъ. Мнѣ темно
За мольбертомъ—и дуетъ въ окно.

Вчера ты была у меня,
    Но тебѣ ужъ тоскливо со мной.
Подъ вечеръ ненастнаго дня
    Ты мнѣ стала казаться женой...
Что жъ, прощай! Какъ-нибудь до весны
Проживу и одинъ—безъ жены.

Сегодня идутъ безъ конца
        Тѣ же тучи—гряда за грядой.
Твой слѣдъ подъ дождемъ у крыльца
        Расплылся, налился водой.
И мнѣ больно глядѣть одному
Въ предвечернюю сѣрую тьму.

Мнѣ крикнуть хотѣлось во слѣдъ:
        „Воротись—я сроднился съ тобой!"
Но для женщины прошлаго нѣтъ:
        Разлюбила—и сталъ ей чужой.
Что жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Воткнувъ копье, онъ сбросилъ шлемъ и легъ.
Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жегъ...
Осенней сушью жарко дуло съ юга.

И умеръ онъ. Окостенѣлъ, застылъ,
Припавъ къ землѣ тяжелой головою.
И вѣтеръ волосами шевелилъ,
Какъ ковылемъ, какъ мертвою травою.

И муравьи закопошились въ нихъ...
Но равнодушно все вокругъ молчало,
И далеко среди полей нагихъ
Копье, въ курганъ воткнутое, торчало.

ПОРТРЕТЪ.

Платанъ, часовенка надъ склепомъ,
Вѣнки, лампадки, образа
И въ рамѣ, перевитой крепомъ,—
Большiе ясные глаза.

Сквозь пыль на стеклахъ, жаркимъ свѣтомъ
Внутри часовенка горитъ.
„Зачѣмъ я въ склепѣ—въ полдень, лѣтомъ?“
Незримый кто-то говоритъ.

Кокетливо-проста прическа
И пелеринка на плечахъ...
А тутъ повсюду—капли воска
И банты крепа на свѣчахъ,

Вѣнки, лампадки, пахнетъ тлѣньемъ...
И только этотъ милый взоръ
Глядитъ съ веселымъ изумленьемъ
На этотъ погребальный вздоръ.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Угрюмый варваръ, сынъ Востока,
Я цѣлый день живу одинъ
При устьи горнаго потока,
Въ ущельи знойныхъ Аппенинъ.

Песокъ, сребристый и горячій,
Вожу я къ морю на волахъ,
Чтобъ усыпать дорожки къ дачѣ,
Какъ снѣгъ, бѣлѣющей въ скалахъ.

И скучно мнѣ. Все то же, то же:
Волы, скрипучій трудный путь,
Изсохшее рѣчное ложе,
Песокъ, сверкающій, какъ ртуть.

И клонитъ голову дремота.
И мнится, что ужъ много лѣтъ
Я вижу кожу бегемота—
Горы морщинистый хребетъ,

И моря синій треугольникъ,
И къ морю длинный слѣдъ колесъ...
Я покорился. Я, невольникъ,
Живу лишь соннымъ ядомъ грезъ.

МИРА.

СОНЕТЪ.

Тебя зовутъ божественною, Мира,
Царицею въ созвѣздіи Кита.
Таинственна, какъ талисманы Пирра,
Твоей недолгой жизни красота.

Ты, какъ слеза, прозрачна и чиста,
Ты, какъ рубинъ, блестишь среди эфира,
Но не за блескъ и дивные цвѣта
Тебя зовутъ божественною, Мира.

Ты въ сонмѣ звѣздъ, среди ночныхъ огней
Нѣжнѣе всѣхъ. Не ты одна играешь,
Какъ самоцвѣтъ: есть ярче и пышнѣй.

Но ты живешь. Ты меркнешь, умираешь—
И вновь горишь. Какъ фениксъ древнихъ дней,
Чтобъ возродиться къ жизни—ты сгораешь.

ВЪ ПЛАВНЯХЪ.

СОНЕТЪ.

Тамъ, на припекѣ, спятъ рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водой склоняются кистями
Темнозеленые густые камыши;
Полдневный вѣтерокъ змѣистыми струями

Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ, какъ серебромъ, крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души—-
И снова плавни спятъ, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небосводъ,
Нерѣдко облако восходитъ и глядится
Блистающимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ—

И какъ свѣтло тогда въ бездонной чашѣ водъ!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится!

ТЛѢНЪ.

СОНЕТЪ.

Въ гостиную, сквозь садъ и пыльныя гардины,
Струится изъ окна веселый лѣтній свѣтъ,
Хрустальнымъ золотомъ ложась на клавесины,
На ветхіе ковры и выцвѣтшій паркетъ.

Вкругъ дома—глушь и дичь. Тамъ клены и осины,
Пріюты горлинокъ, шиповникъ, бересклетъ...
А въ домѣ—рухлядь, тлѣнъ: повсюду паутины,
Всѣ двери заперты... И такъ ужъ [illegible]

Въ глубокой тишинѣ, таинственно сверкая,
Какъ мелкій перламутръ, беззвучно моль плыветъ.
По стекламъ радужнымъ, какъ бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуетъ.

Но фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ—глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ!

ПЕРЕКРЕСТОКЪ.

Я долго въ сумеречномъ свѣтѣ
Шелъ одиноко на закатъ.
Но тьма росла—и съ перекрестка
Я тихо повернулъ назадъ.

Чуть брезжилъ полусвѣтъ заката.
Но послѣ свѣта какъ мертва,
Какъ величава и угрюма
Ночного неба синева!

И блѣдны, блѣдны звѣзды въ нбѣ ...
И долго быть мнѣ въ темнотѣ,
Пока онѣ теплѣй и ярче
Не засіяютъ въ высотѣ.

Ночь молчалива... Но къ молчанью
Привыкну я... А звѣздный свѣтъ
Взойдетъ тогда, когда угаснетъ
Былого дня печальный слѣдъ.

СЪ ОБРЫВА.

Стремнина скалъ. Волной желѣзной
Здѣсь плоскогорье поднялось
И надъ зіяющею бездной,
Оцѣпенѣвъ, оборвалось.

Здѣсь небо ясно,—слой тумана
Ползетъ подъ нами, какъ драконъ,—
И моря синяя нирвана
Виситъ въ пространствѣ съ трехъ сторонъ.

Но дико здѣсь. Какъ руки фурій,
Торчитъ надъ бездною изъ скалъ
Колючій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагалъ.

И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за̀ моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

НА ДАЧѢ.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Но розовѣетъ пепелъ небосклона —
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь отъ узорной туйи у балкона.

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море.

Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ, двѣ турецкихъ бригантины.
Вотъ поднимаютъ парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы—изумруды и рубины.

Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

НА УЩЕРБѢ.

Черныя ели и сосны сквозятъ въ палисадникѣ темномъ:
Въ черномъ узорѣ вѣтвей—мѣсяца рогъ золотой.
Слышу—поютъ пѣтухи. Узнаю по напѣвамъ печальнымъ
Позднюю зимнюю ночь. Что̀ жъ разбудило меня?

О, я сквозь сонъ уловилъ: настаетъ сокровенный и чуткій
Часъ угасанья луны!—Въ сумракѣ спальни разлитъ
Свѣтъ золотистый, и тѣнь отъ рамъ на полу чуть замѣтна:
Пробило время вставать. Звонко теперь на дворѣ—

Замерло все на морозѣ, лучатся морозныя звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху;
Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣсяцъ,
Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ

И самоцвѣтныя звѣзды: янтарно-зеленый Юпитеръ,
Сиріусъ—дерзкій сапфиръ, синимъ горящій огнемъ,
Альдебарана рубинъ, алмазную цѣль Оріона
И уходящій на югъ призракъ сребристый—Арго!

МОРОЗЪ.

Такъ ярко звѣздъ горитъ узоръ,
Такъ ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снѣгомъ дворъ
Весь и блеститъ, и фосфорится.

Свѣтъ серебристо-голубой,
Свѣтъ отъ созвѣздья Оріона,
Какъ въ сказкѣ, льется надъ тобой
На снѣгъ морозный съ небосклона.

И фосфоромъ дымится снѣгъ,
И видно, какъ мерцаетъ нѣжно
Твой ледяной душистый мѣхъ,
На плечи кинутый небрежно,

Какъ серьги длинныя блестятъ,
И потемнѣвшія зѣницы
Съ восторгомъ жадности глядятъ
Сквозь серебристыя рѣсницы.

СѢВЕРНАЯ БЕРЕЗА.

Надъ озеромъ, надъ заводью лѣсной—
Нарядная зеленая береза.
— „О, дѣвушки! Какъ холодно весной:
Я вся дрожу отъ вѣтра и мороза!“

То дождь, то градъ, то снѣгъ, какъ бѣлый пухъ,
То солнце, блескъ, лазурь и водопады.
— „О, дѣвушки! Какъ веселъ лѣсъ и лугъ!
Какъ радостны весенніе наряды!“

Опять, опять нахмурилось,—опять
Мелькаетъ снѣгъ и боръ гудитъ сурово.
— „Я вся дрожу. Но только бъ не измять
Зеленыхъ лентъ! Вѣдь солнце будетъ снова“.

БАЛЬДЕРЪ.

Хаду — слѣпецъ, онъ жалокъ. Мракъ глубокій
Скрываетъ свѣтъ и правду отъ него.
Но, чадо тьмы, онъ весь во власти Локи—
Онъ нà-смерть поражаетъ божество.

И все же міръ лишь жаждой свѣта дышетъ!
И Солнце, погребенное во тьму,
Изъ гроба тьмы, изъ бездны ада слышитъ,
Что міръ въ тоскѣ взываетъ лишь къ нему.

И дрогнетъ тьма! И вспыхнетъ на востокѣ
Воскресшій Свѣтъ! И боги пригвоздятъ
Тебя, какъ пса, къ граниту горъ, о Локи!
И будетъ змѣй, свирѣпый и стоокій,
Точить со скалъ на темя Локи—ядъ!

ДИЗА.

Вечернее зимнее солнце
И вѣтеръ межъ сосенъ играютъ,
Алѣютъ снѣга, а въ свѣтлицѣ
Янтарныя пятна мелькаютъ.

Узорныя тѣни отъ сосенъ,
Играя, сквозятъ позолотой
И по столу ходятъ, но тихо
Склонилась она за работой.

На бронзу волосъ, на ланиты,
На пяльцы и руки широко

Вечернее льется сіянье,
А думы далеко, далеко!

Тяжелое зимнее море
Грохочетъ за фьордомъ въ утесахъ,
И стелется пò вѣтру пѣна
И стынетъ на снѣжныхъ откосахъ;

Качаются съ криками чайки
И падаютъ въ пѣну, и таютъ,
Но звонкой весенней слюдою
Давно ужъ откосы блистаютъ!

Пусть ночи пожарами свѣтятъ
И рдѣютъ закаты, какъ раны,
Пусть вѣтеръ бушуетъ,—онъ съ юга,
Онъ гонитъ на сѣверъ туманы!

Пусть милый далеко,—онъ вѣренъ...
И вотъ на вечернее солнце,

На снѣгъ, на зеленыя вѣтви
Она заглядѣлась въ оконце.

Забыты узоры цвѣтные,
Забыты точеные пяльцы.
И тихо косою играютъ
Прозрачные тонкіе пальцы.

И тихо алѣютъ ланиты,
Сіяя, какъ снѣгъ, бѣлизною,
И взоры такъ мягки и ярки,
Какъ синее небо весною.

ЖИЗНЬ.

Набѣгаетъ въ потьмахъ
И узорною пѣною свѣтится
И лазурнымъ сіяніемъ рѣетъ у скалъ на пескѣ..
О, божественный отблескъ таинственной жизни,
мерцающей
Въ миріадахъ незримыхъ существъ!

Ночь была бы темна,
Но все море насыщено тонкою
Пылью свѣта, и звѣзды надъ моремъ горятъ.
Въ полусвѣтѣ все видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежныхъ холмовъ.

Въ полусвѣтѣ ночномъ
Подъ обрывами волны качаются—

Переполнено зыбкое звѣздное зеркало волнъ!
Но, колеблясь упруго, лишь изрѣдка складки тяжелыя
Набѣгаютъ на влажный песокъ.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическимъ пламенемъ,
Разсыпаясь на гравій мирьядами блѣдныхъ огней,
Море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственно, тонко
и трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны,
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры,—несмѣтныя
Искры синяго пламени,—Жизнь.

О, божественный свѣтъ!
О, великое зеркало водное!
Переполнено ты,—переполнена жизнью Земля.
Все мгновенно, все—искры, но искры Единаго, Вѣчнаго,
И во всемъ—Красота, Красота!

НАДПИСЬ НА ЧАШѢ.

Древнюю чашу нашелъ онъ у шумнаго синяго моря,
Въ древней могилѣ, на дикомъ песчаномъ прибрежьи.
Долго трудился онъ; долго слагалъ во едино
То, что гробница хранила три тысячи лѣтъ, какъ святыню,
И прочиталъ онъ на чашѣ
Древнюю повѣсть безмолвныхъ могилъ и гробницъ:
„Вѣчно лишь море, безбрежное море и небо,
Вѣчно лишь солнце, земля и ея красота,
Вѣчно лишь то, что связуетъ незримою связью
Душу и сердце живыхъ съ темной душою могилъ“.

ПЕЧАЛЬ.

На дикихъ скалахъ, среди развалинъ—
Рать кипарисовъ. Она гудитъ
Подъ вѣтромъ съ моря. Угрюмъ, печаленъ
Пустынный островъ, нагой гранитъ.

Ужъ берегъ теменъ—заходятъ тучи.
Какъ крылья чаекъ, среди камней
Мелькаетъ пѣна. Прибой все круче,
Порывы вѣтра—все холоднѣй.

И кто то скорбный, въ одеждѣ темной,
Стоитъ надъ моремъ... Вдали—печаль
И сумракъ ночи... Мы всѣ бездомны,
Всѣ безпріютны, но смотримъ—въ даль.

ОГНИ НЕБЕСЪ.

Огни небесъ, тотъ серебристый свѣтъ,
Что мы зовемъ мерцаньемъ звѣздъ небесныхъ,—
Порою только неугасшій свѣтъ
Уже давно померкнувшихъ планетъ,
Свѣтилъ, давно забытыхъ и безвѣстныхъ.

Та красота, что міръ стремитъ впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умретъ
Жизнь, что горѣла въ насъ когда то.

И много въ мірѣ избранныхъ. чей свѣтъ,
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много, много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ,
Кто знаетъ ихъ? Быть можетъ, лишь поэтъ.

МОГИЛА ПОЭТА.

Мраморъ гробницы его — въ скорбной толпѣ кипарисовъ:
Радостнѣй свѣтитъ межъ нихъ синее лоно небесъ.
Ангелъ изваянъ надъ нимъ съ опрокинутымъ свѣточемъ жизни:
Ярче пылаетъ огонь, смертью поверженный ницъ!

ПРИЗРАКИ.

Нѣтъ, мертвые не умерли для насъ!
Есть старое шотландское преданье,
Что тѣни ихъ, незримыя для глазъ,
Въ полночный часъ къ намъ ходятъ на свиданье,

Что пыльныхъ арфъ, висящихъ на стѣнахъ,
Таинственно касаются ихъ руки
И пробуждаютъ въ дремлющихъ струнахъ
Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками преданія зовемъ,
Мы глухи днемъ, мы дня не понимаемъ;
Но въ сумракѣ мы сказками живемъ
И тишинѣ довѣрчиво внимаемъ.

Мы въ призраки не вѣримъ; но и насъ
Томитъ любовь, томитъ тоска разлуки.
Я имъ внималъ, я слышалъ ихъ не разъ,
Тѣ грустные и сладостные звуки!

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА.

Она молчитъ, она теперь спокойна.
Но жизнь ужъ не вернется къ ней: въ тотъ день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, она простилась съ жизнью.

Она молчитъ,—ея душа теперь
Пуста, какъ намогильная часовня,
Гдѣ надъ нѣмой гробницей день и ночь
Горитъ неугасимая лампада.

РАЗВАЛИНЫ.

Надъ синимъ понтомъ - сѣрыя руины,
Остатки древней греческой тюрьмы.
На югъ—морскія зыбкія равнины,
На сѣверъ—голые холмы.

Въ проломахъ стѣнъ—корявыя оливы
И дереза—сопутница руинъ,
А подъ стѣнами—красные обрывы
И волнъ густой аквамаринъ.

Угрюмо здѣсь, въ сырыхъ подземныхъ кельяхъ;
Но весело тревожить сонъ темницъ,—
Перекликаться съ эхомъ въ подземельяхъ
И видѣть небо изъ бойницъ!

Давно октябрь, но не уходитъ лѣто:
Ужъ на холмахъ желтѣетъ шелкъ травы,
Но воздухъ чистъ – и сколько въ небѣ свѣта,
А въ морѣ нѣжной синевы!

И тихи, тихи старыя руины.
И цѣлый день, подъ мѣрный шумъ валовъ,
Слѣжу я въ морѣ парусъ бригантины,
А въ небесахъ—круги орловъ.

И усыпляетъ моря шумъ атласный.
И кажется, что въ мірѣ жизни нѣтъ:
Есть только блескъ, лазурь и воздухъ ясный,
Просторъ, молчаніе и свѣтъ.

ВЕРШИНА.

Лѣса, скалистыя тѣснины—
И цѣлый день, въ концѣ тѣснинъ,
Громада снѣговой вершины
Изъ-за лѣсныхъ глядитъ вершинъ.

Селеній нѣтъ, ущелья дики,
Лѣса синѣютъ и молчатъ,
И сѣрыхъ скалъ нагіе пики
На скатахъ изъ лѣсовъ торчатъ.

Но цѣлый день,--куда ни кину
Вдоль по горамъ смущенный взоръ,—
Лишь эту бѣлую вершину
Повсюду вижу изъ-за горъ.

Она полъ-неба заступила,
За облака ушла вѣнцомъ—
И все смирилось, все застыло
Предъ этимъ льдистымъ мертвецомъ.

ТРОПАМИ ПОТАЕННЫМИ.

Тропами потаенными, глухими
Въ лѣсныя чащи сумерки идутъ.
Засыпанные листьями сухими,
Лѣса молчатъ—осенней ночи ждутъ.

Вотъ крикнулъ сычъ въ пустынномъ буеракѣ...
Вотъ темный листъ свалился, чуть шурша...
Ночь близится: ужъ рѣетъ въ полумракѣ
Ея нѣмая скорбная душа.

ДОМА.

Ночь тепла, свѣтла и золотиста,
Мѣсяцъ всталъ и замеръ надъ гумномъ,
Все уснуло... Теменъ тихій флигель...
Степь и небо видны за окномъ.

За окномъ по лопухамъ чернѣетъ
Тѣнь отъ крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свѣтъ ложится.
Какъ льняные бѣлые холсты.

Далеко на сѣверѣ Капелла
Блещетъ семицвѣтнымъ огонькомъ,
И оттуда, съ поля, тянетъ ровнымъ,
Ласковымъ полуночнымъ тепломъ.

Сладко этой лаской упиваться,
Сладокъ отдыхъ ночью... Ночь свѣтла,
Все вокругъ какъ прежде: хуторъ, поле...
Все какъ было... Только жизнь прошла!

КОЛЬЦО.

Въ бѣломъ пескѣ золотое блеснуло кольцо.
Я задремалъ надъ Днѣпромъ у широкаго плеса,
Знойною ласкою вѣтеръ повѣялъ въ лицо,
Легкой прохладой и запахомъ свѣжаго теса,—
Ярко въ водѣ золотое блеснуло кольцо.

Какъ его вымыли волны на отмели бѣлой!—
Точно къ вѣнчанію. Искрился солнечный блескъ,
Видѣлъ я плахты, сорочки и смуглое тѣло,
Слышалъ я говоръ, веселые крики и плескъ...
Жадной толпою сошлись онѣ къ отмели бѣлой!

Жадно дыша, одѣвались онѣ на пескѣ,
Лоснились косы и карія очи смѣялись,
Съ звонкими пѣснями скрылись онѣ вдалекѣ,
Звонко о берегъ прозрачныя волны плескались...
Чье-то кольцо золотится въ горячемъ пескѣ.

О, красота, тишина и раздолье Днѣпра!
Помню, какъ вѣтеръ въ лугахъ серебрилъ верболозы
Помню, какъ рѣяла дальнихъ миражей игра,
Помню о счастьи безумныя, сладкія грезы...
Знойные полдни на бѣлыхъ прибрежьяхъ Днѣпра!

ПѢСНЯ.

Я—простая дѣвка на баштанѣ,
Онъ—рыбакъ, веселый человѣкъ.
Тонетъ бѣлый парусъ на Лиманѣ—
Много видѣлъ онъ морей и рѣкъ.

Говорятъ, гречанки на Босфорѣ
Хороши... А я черна, худа.
Утопаетъ бѣлый парусъ въ морѣ—
Можетъ, не вернется никогда!

Буду ждать въ погоду, въ непогоду...
Не дождусь—съ баштана разочтусь,
Выйду къ морю, брошу перстень въ воду
И косою черной удавлюсь.

ЗАПУСТѢНІЕ.

...Домой я шелъ по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ, берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренькій денекъ,
Среди березъ желтѣлъ осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ,—кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ.
Но вотъ на перевалѣ, за лощиной,

Фруктовый садъ листвою закраснѣлъ,
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостинной
Полился нѣжный и печальный стонъ.
Я въ кресло сѣлъ къ окну и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены у балкона,
На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона
И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межъ тѣмъ какъ въ домѣ, тихомъ, какъ могила,
Неслышно одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.
Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: „Пусто, братъ, и скучно!“

Въ соломѣ, возлѣ печки, на полу,
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качалися въ углу,
А у стѣны темнѣли клавесины.
Я тронулъ ихъ—и горестно въ тиши

Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,
Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ,
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли...
Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталъ и бѣднѣй, и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы всѣ въ тоскѣ, въ тревогѣ..
Пора свести послѣдніе итоги.

Печаленъ долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень позднюю въ Россіи,
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,
Просторъ полей и сумерки глухія,
Любилъ стальную, сѣрую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ навѣвала русскую тоску.

Но дни идутъ,—наскучило ненастье,
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья!

Томитъ меня нѣмая тишина.
Томитъ гнѣзда родного запустѣнье.
Я выросъ здѣсь. Но смотритъ изъ окна
Заглохшій садъ. Надъ домомъ рѣетъ тлѣнье,
И скупо въ немъ мерцаетъ огонекъ.
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ,
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ.
Часы стучатъ, и старый домъ беззвучно
Мнѣ говоритъ: „Да, безъ хозяевъ скучно!

„Мнѣ на покой давно, давно пора...
Поля, лѣса—все глохнетъ безъ заботы...
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!
Я жду, чтобъ жизнь,—пусть даже въ грубой силѣ,
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ,
Я изнемогъ, и мертвый стукъ часовъ
Въ молчаніи осенней долгой ночи
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи!“

ДѢТСКАЯ.

От пихтъ и елей въ горницѣ темнѣй,
Скучнѣй, стариннѣй. Древнее есть что-то
Въ уборѣ ихъ. И вечеромъ краснѣй
Сквозь нихъ зари морозной позолота.

Узорно легкой, мягкой бахромой
Лежитъ ихъ тѣнь на рдѣющихъ обояхъ—
И грустны, грустны сумерки зимой
Въ заброшенныхъ помѣщичьихъ покояхъ!

Сидишь и смотришь въ окна изъ угла
И думаешь о жизни старосвѣтской...
Увы! Вѣдь эта горница была
Когда-то нашей дѣтской!

КОСОГОРЪ.

Косогоръ надъ разлужьемъ и пашни кругомъ,
Потускнѣвшій закатъ, полумракъ...
Далеко за извалами крестъ надъ холмомъ —
Неподвижный вѣтрякъ.

Какъ печальна заря! И какъ долго она
Тлѣетъ въ сонномъ просторѣ равнинъ!
Вотъ чуть внятная дѣвичья пѣсня слышна...
Вотъ заплакала лунь... И опять тишина...
Ночь, безмолвная ночь. Я одинъ.

Я одинъ, а вокругъ темнота и поля
И ни звука въ просторѣ ихъ нѣтъ...
Точно проклятъ тотъ край, тотъ народъ, гдѣ земля
Такъ пустынна ужъ тысячу лѣтъ!

ВЪ ЛѢСУ.

Въ лѢсу, въ горѣ—родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ—старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ—березовый корецъ.

Я не люблю, о Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя родимыя черты!

РѢЧКА.

Свѣтло, легко и своенравно
Она блеститъ среди болотъ
И къ старымъ мельницамъ такъ плавно
Несетъ стекло весеннихъ водъ.

Несетъ—и знать себѣ не хочетъ,
Что тамъ, надъ омутомъ въ лѣсу,
Безумно Водяной грохочетъ,
Стремглавъ летя по колесу,—

Пылитъ на мельницахъ помоломъ,
Трясетъ и жерновъ, и приводъ
И, падая, въ бреду тяжеломъ
Кружитъ сѣдой водоворотъ.

ЧУЖАЯ.

Ты чужая, но любишь,
    Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
    До послѣдняго дня.

Ты покорно и скромно
    Шла за нимъ отъ вѣнца.
Но лицо ты склонила—
    Онъ не видѣлъ лица.

Ты съ нимъ женщиной стала,
    Но не дѣвушка ль ты?
Сколько въ каждомъ движеньи
    Простоты, красоты!

Будутъ снова измѣны...
    Но одинъ только разъ
Такъ застѣнчиво свѣтитъ
    Нѣжность любящихъ глазъ.

Ты и скрыть не умѣешь,
    Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
    Никогда, никогда!

НОВЫЙ ГОДЪ.

Ночь прошла за шумной встрѣчей года...
Сколько сладкой муки! Сколько разъ
Я ловилъ, сквозь блескъ огней и говоръ,
Быстрый взглядъ твоихъ влюбленныхъ глазъ!

Вышли мы, когда уже свѣтало
И въ церквахъ затеплились огни...
О, какъ мы любили! Какъ томились!
Но и здѣсь мы были не одни.

Молча шла ты объ руку со мною
По срединѣ улицъ. Городокъ
Точно вымеръ. Мягко вѣялъ влажный
снѣга холодокъ.

И хотѣлось только ласки, ласки.
И не разъ склонялася тайкомъ
Къ моему плечу твоя головка
Подъ прозрачнымъ газовымъ платкомъ.

Но подъѣздъ ужъ близокъ. Вотъ и двери...
О, прощальный милый взглядъ! „Хоть разъ,
Только разъ прильнуть къ тебѣ всѣмъ сердцемъ
Въ этотъ ранній, въ этотъ сладкій часъ!“

Но сестра стоитъ, глядитъ безстрастно.
„Доброй ночи!“ Сдержанный поклонъ,
Стукъ дверей—и я одинъ. Молчанье,
Блѣдный сумракъ, предразсвѣтный звонъ.

ТѢНЬ.

Высоко въ небѣ мѣсяцъ ясный,
Затихъ волны дремотный плескъ.
Какъ снѣжно-золотое поле,
Сіяетъ въ морѣ лунный блескъ.

Плыла межъ небомъ и землею
Надъ моремъ тучка,—наплыла
На край луны—и вдругъ широко
Насъ мягкой тѣнью обняла.

Далеко золотое поле
Покрылось матовымъ стекломъ,
И вѣтеръ, шелестя травою,
Пахнулъ полуночнымъ тептломъ

Счастливымъ и глубокимъ вздохомъ
Волна вздохнула въ полуснѣ—
И какъ довѣрчиво, какъ нѣжно
Ты вся прижалася ко мнѣ!

Но вспыхнулъ блескъ на горизонтѣ,
Тѣнь по горамъ въ лѣса ушла—
И снова мы сидимъ недвижно,
И снова ночь, какъ день, свѣтла.

Спитъ море подъ луною ясной,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ...
О, ночь любви! Ужель и въ счастьи
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

НОВАЯ ВЕСНА.

Мы встрѣтились случайно, на углу.
Я быстро шелъ—и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.

На ней былъ крепъ—прозрачный легкій газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ былое оживленье.

И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила,
И скрылась за угломъ... Была весна...
Она меня простила—и забыла.

ОГОНЬ НА МАЧТѢ.

И сладостно, и грустно видѣть ночью,
На кораблѣ далекомъ въ темномъ морѣ,
Въ ночь уходящій топовый огонь.
Когда все спитъ на дачѣ, и сквозь сумракъ
Одни лишь звѣзды свѣтятся, я часто
Сижу на старой каменной скамейкѣ,
Надъ лѣстницей съ обрыва. Ночь тепла,
И такъ темно, такъ тихо все, какъ будто
Нѣтъ ни земли, ни неба—только мягкій
Глубокій мракъ. И вотъ вдали, во мракѣ,
Идетъ огонь—какъ свѣчечка... Ни звука
Не слышно на прибрежьи,—лишь сверчки
Звенятъ въ горѣ чуть уловимымъ звономъ,
Будя въ душѣ задумчивую нѣжность,
А онъ уходитъ въ ночь и одиноко
Виситъ на горизонтѣ, въ темной безднѣ
Межъ небомъ и землею... Пойте, пойте,
Сверчки, мои товарищи ночные,
Баюкайте мою ночную грусть!

МЕРТВЫЙ ЧАСЪ.

Проснулся я внезапно, безъ причины.
Мнѣ снилось что то грустное—и вдругъ
Проснулся я. Сквозь голыя осины
Въ окно глядѣлъ туманный лунный кругъ.

Усадьба по осеннему молчала,
Весь домъ былъ мертвъ въ полночной тишинѣ,
И, какъ ребенокъ брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумнѣ.

Мнѣ снилось много грустнаго. Я знаю,
Что снилось мнѣ... Но умерла печаль.
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу... Мнѣ ничего не жаль.

ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРѢ.

Въ открытомъ морѣ—только небо,
Вода, да вѣтеръ. Тяжело
Идетъ волна, и низко кренитъ
Фелюка сѣрое крыло.

Въ открытомъ морѣ вѣтеръ гонитъ
То свѣтъ, то тѣнь—и въ облака
Сквозитъ лазурь... А ты забыта,
Ты безконечно далека!

Но волны, пѣнясь и качаясь,
Идутъ, бѣгутъ навстрѣчу мнѣ—
И кто-то синими глазами
Глядитъ въ мелькающей волнѣ.

И что-то вольное, живое,
Какъ эта синяя вода,
Опять, опять напоминаетъ
О томъ, что я искалъ всегда,

О томъ, что сердце не забудетъ,—
О томъ, что я люблю въ тебѣ,
Наперекоръ враждѣ, разлукѣ,
Наперекоръ самой судьбѣ.

АПРѢЛЬ.

Туманный серпъ, неясный полумракъ,
Свинцово-тусклый блескъ желѣзной крыши,
Шумъ мельницы, далекій лай собакъ,
Таинственный зигзазъ летучей мыши.

А въ старомъ палисадникѣ темно,
Свѣжо и сладко пахнетъ можжевельникъ.
И сонно, сонно свѣтится сквозь ельникъ
Серпа зеленоватое пятно.

ИЗЪ ОКНА.

Вѣтви кедра—вышивки зеленымъ
Темнымъ плюшемъ, свѣжимъ и густымъ,
А за плюшемъ кедра, за балкономъ—
Садъ прозрачный, легкій, точно дымъ:

Яблони и сизыя дорожки,
Изумрудно-яркая трава,
На березахъ—сѣрыя сережки
И вѣтвей плакучихъ кружева,

А на кленахъ—дымчато-сквозная
Съ золотыми мушками вуаль,
А за ней—долинная, лѣсная,
Голубая тающая даль.

ДѢТСТВО.

Чѣмъ жарче день, тѣмъ сладостнѣй въ бору
Дышать сухимъ смолистымъ ароматомъ,
И весело мнѣ было по утру
Бродить по этимъ солнечнымъ палатамъ!

Повсюду блескъ, повсюду яркій свѣтъ,
Песокъ, какъ шелкъ... Прильну къ соснѣ корявой
И чувствую: мнѣ только десять лѣтъ,
А стволъ—гигантъ, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но такъ тепла, такъ солнцемъ вся прогрѣта!
И кажется что пахнетъ не сосна,
А зной и сухость солнечнаго свѣта.

СКАЗКА.

...И снилось мнѣ, что мы, какъ въ сказкѣ,
Шли вдоль пустынныхъ береговъ
Надъ дикимъ синимъ лукоморьемъ,
Въ глухомъ бору, среди песковъ.

Былъ лѣтній свѣтозарный полдень,
Былъ жаркій день, и озаренъ
Весь лѣсъ былъ солнцемъ, и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоенъ.

Узорами ложились тѣни
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Былъ чистъ и радостно-высокъ.

Игралъ зеркальный отблескъ моря
Въ вершинахъ сосенъ, и текла
Вдоль по корѣ, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнѣе стекла...

Мнѣ снилось сѣверное море,
Лѣсовъ пустынные края...
Мнѣ снилась даль, мнѣ снилась сказка —
Мнѣ снилась молодость моя.

РАЗЛИВЪ.

Паромъ, скрипя, ушелъ. Въ разливъ по тусклой зыби
Сквозь муть лиловыхъ тучъ румянится заря.
Надъ темнымъ кряжемъ горъ, въ ихъ сумрачномъ изгибѣ,
Померкнули въ лѣсу кресты монастыря.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянетъ;
Но и костеръ потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ. Темнѣй уже не станетъ,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Лишь брезжится закатъ на взгорьяхъ сквозь верхушки,
Блеститъ, какъ ртуть, вода по лужамъ на пескѣ,
Дрожитъ въ разливѣ рябь, да сонныя лягушки
Звенятъ чутъ слышно въ тростникѣ.

ПОМОРЬЕ.

Бѣлый полдень, жаръ несносный,
Мохъ, песокъ, шелюгъ, да сосны...
Но отъ сосенъ тѣни нѣтъ,
Облака легки, высоки,
Солнце въ блѣдной поволокѣ—
Всюду знойный бѣлый свѣтъ.

Тамъ, за хижиной помора,
За песками косогора,
Голой мачты виденъ шестъ...
Но и море гладью млечной,
Серебристой безконечной
Простирается окрестъ.

А на отмели песчаной
Спитъ поморъ, отъ солнца пьяный,
Тонко плачется комаръ,
И на икрахъ обнаженныхъ,
Лѣтнимъ зноемъ обожженныхъ,
Блещетъ бронзовый загаръ.

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.

Угрюмо шмель гудитъ, толкаясь по стеклу...
Въ окно зарница глянула тревожно...
Притихшій соловей въ сирени на валу
    Выводитъ трели осторожно.

Громъ, проворчавъ въ саду, скатился за гумно;
Но воздухъ меркнетъ, небо потухаетъ...
А тополь тянется въ открытое окно
    И ладаномъ благоухаетъ.

РОЗЫ.

Блистая, облака лѣпились
Въ лазури пламеннаго дня.
Двѣ розы подъ окномъ раскрылись—
Двѣ чаши, полныя огня.

Въ окно, въ прохладный сумракъ дома,
Глядѣлъ зеленый знойный садъ,
И сѣна душная истома
Струила сладкій ароматъ.

Порою, звучный и тяжелый,
Высоко въ небѣ грохоталъ
Громовый гулъ... Но пѣли пчелы,
Звенѣли мухи—день сіялъ.

Порою шумно пробѣгали
Потоки ливней голубыхъ...
Но солнце и лазурь мигали
Въ зеркально-зыбкомъ блескѣ ихъ—

И день сіялъ, и млѣли розы,
Головки томныя клоня,
И улыбалися сквозь слезы
Очами, полными огня.

ДОННИКЪ.

Братъ, въ запыленныхъ сапогахъ,
Швырнулъ ко мнѣ на подоконникъ
Цвѣтокъ, растущій на парахъ,
Цвѣтокъ засухи—желтый донникъ.

Я всталъ отъ книгъ и въ степь пошелъ...
О, да! Все поле—золотое,
И отовсюду точки пчелъ
Плывутъ въ сухомъ вечернемъ зноѣ.

Толчется сѣткой мошкара,
Шафранный свѣтъ надъ полемъ рѣетъ
И, значитъ, завтра вновь жара
И вновь сухмень. А хлѣбъ ужъ зрѣетъ.

Да, зрѣетъ и грозитъ нуждой,
Быть можетъ, голодомъ... И все же
Мнѣ этотъ донникъ золотой
На мигъ всего, всего дороже!

СЕНТЯБРЬ.

Ужъ подсыхаетъ хмѣль на тынѣ.
За хуторами, на бакчахъ,
Въ нежаркихъ солнечныхъ лучахъ
Краснѣютъ бронзовыя дыни.

Ужъ хлѣбъ свезенъ, и вдалекѣ,
Надъ старою степною хатой,
Сверкаетъ золотой заплатой
Крыло на сѣромъ вѣтрякѣ.

ТЕРЕМЪ.

Высоко стоитъ луна.
    Тѣни елей рѣзки, четки.
Я—въ свѣтлицѣ у окна,
Я блѣднѣе полотна...
    Въ серебрѣ пруты рѣшетки.

Мать, отецъ—всѣ спятъ давно.
    Я съ распущенной косою
Заглядѣлася въ окно...
Я блѣдна, какъ полотно,
    Какъ поляна подъ росою.

Подоконникъ не великъ,
    Все же можно здѣсь прижаться...
Съ неба смотритъ лунный ликъ —
И у ногъ на половикъ
    Клѣтки бѣлыя ложатся.

Да и я — какъ въ серебрѣ,
    Испещренная крестами...
Долги ночи въ сентябрѣ!
Но усну лишь на зарѣ,
    Истомленная мечтами.

СКВОЗЬ ВѢТВИ.

Осень листья темной краской мѣтитъ:
Не уйти имъ отъ своей судьбы!
Но свѣтло и нѣжно небо свѣтитъ
Сквозь нагіе черные дубы,

Что то неземное обѣщаетъ,
Къ тишинѣ уводитъ отъ заботъ —
И опять, опять душа прощаетъ
Промелькнувшій, обманувшій годъ!

КЕЛЬЯ.

День распогодился съ закатомъ.
Сквозь стекла въ старый кабинетъ
Льетъ солнце золотистый свѣтъ;
Широкимъ палевымъ квадратомъ
Окно рисуетъ на стѣнѣ,
А въ немъ безсильно, какъ во снѣ,
Скользитъ трепещущимъ узоромъ
Тѣнь отъ березы надъ заборомъ...
Какъ грустно на закатѣ мнѣ!

Зачѣмъ ты, солнце, на прощанье,
Въ своемъ сіяньи золотомъ,
Вошло въ мой одинокій домъ?

Онъ пустъ, въ немъ вѣчное молчанье!
Я былъ спокоенъ за трудомъ,
Я позабылъ твое сіянье:
Зачѣмъ же думы о быломъ
И это грустное веселье
Въ давно безлюдной, тихой кельѣ?

СУДРА.

Жизнь впереди, до старости далеко.
Но вотъ и я ужъ думаю о ней...
О, какъ намъ будетъ въ мірѣ одиноко!
Какъ грустно на закатѣ дней!

Умершіе оставили одежды—
Ихъ носитъ бѣдный Судра. Такъ и мнѣ
Оставитъ жизнь не радость и надежды,
А только скорбь о старинѣ.

Мы проживемъ, быть можетъ, не напрасно;
Но тѣмъ больнѣе будетъ до конца
Съ улыбкою печальной и безгласной
Влачить одежды мертвеца!

У ШАЛАША.

Распали костеръ, сумѣй
Разозлить его блестящихъ,
Убѣгающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змѣй!

Ночь изъ тьмы пустаго сада
Дышетъ холодомъ прудовъ,
Прѣлыхъ листьевъ и плодовъ—
Ароматомъ листопада.

Здѣсь же—яркій зной и свѣтъ,
Тѣни пляшутъ по аллеямъ,
И бѣгущимъ жаркимъ змѣямъ,
Ихъ затѣямъ—счета нѣтъ!

НА МАЯКѢ.

Въ пустой маякъ, въ лазурь оконныхъ впадинъ,
Осенній вѣтеръ дуетъ—и, звеня,
Гудитъ вверху. Онъ влаженъ и прохладенъ,
Онъ опьяняетъ свѣжестью меня.

Остановясь на лѣстницѣ отвѣсной,
Гляжу въ окно. Внизу шумитъ прибой
И зыбь бѣжитъ. А выше– сводъ небесный
И океанъ туманно-голубой.

Внизу—шумъ волнъ, а наверху, какъ струны,
Звенитъ-поетъ рѣшетка маяка.
И все плыветъ: маякъ, заливъ, буруны,
И я, и небеса, и облака.

ГОЛУБИ.

Раскрытъ балконъ, сожженъ цвѣтникъ морозомъ,
Опустошенъ поблекшій садъ дождями.
Какъ лунный камень, холодно и блѣдно
Надъ садомъ небо. Вѣтеръ въ небѣ гонитъ
Свинцовыя и дымчатыя тучи,
И крупный ливень съ бурей то и дѣло
Бѣжитъ, дымится по саду... Но если
Внезапно глянетъ солнце, что за радость
Овладѣваетъ сердцемъ! Жадно дышишь
Душистымъ, влажнымъ воздухомъ, уходишь
Съ открытой головою по аллеѣ,
Межъ тѣмъ какъ надъ аллеей все привѣтнѣй
Синѣетъ небо яркое—и вдругъ
Съ гумна стрѣлою мчится бѣлый турманъ

И снѣжнымъ комомъ падаетъ къ балкону,
За нимъ—другой, и оба долго-долго
Пьютъ изъ лазурной лужи, поднимая
Свои головки кроткія... Замрешь,
Боясь ихъ потревожить, весь охваченъ
Какой-то робкой радостью, и мнится,
Что пьютъ они не дождевую воду,
А чистую небесную лазурь!

ОЛЬХА.

Осень. Чащи лѣса.
    Мохъ сухихъ болотъ.
Озеро бѣлесо.
    Блѣденъ небосводъ.

Отцвѣли кувшинки
    И шафранъ отцвѣлъ.
Выбиты тропинки.
    Лѣсъ и пустъ, и голъ.

Только ты красива,
    Хоть давно суха,
Въ кочкахъ у залива
    Старая ольха!

Женственно глядишься
    Въ воду въ полуснѣ—
И засеребришься
    Прежде всѣхъ къ веснѣ.

ГОРЕ.

Меркнетъ свѣтъ въ небесахъ.
Скачетъ князь мелколѣсьемъ, по топямъ, гдѣ
сохнетъ осока.
Рѣютъ сумерки въ черныхъ еловыхъ лѣсахъ,
А по елкамъ мелькаетъ, сверкаетъ—сорока.

Станетъ князь, поглядитъ:
Нѣтъ сороки! Но сердце недоброе чуетъ.
Снова скачетъ—и снова сорока летитъ,
Перелѣсьемъ кочуетъ.

Боленъ сынъ... Вѣрно хуже ему...
Погубили дитя перехожіе старцы калики!
Ночь подходитъ.. И что то теперь въ терему?
Скачетъ князь—и все слышитъ онъ женскіе крики.

А въ лѣсу все темнѣй,
А ужъ конь устаетъ... Поспѣшай,—недалеко!
Вонъ и теремъ... Но что это? Сколько огней!
— Нагадала сорока.

УТРЕННИКЪ.

Первый утренникъ, серебряный морозъ.
Тишина и звонкій холодъ на зарѣ.
Свѣжимъ глянцемъ зеленѣетъ слѣдъ колесъ
На серебряномъ просторѣ, на дворѣ.

Я въ холодный обнаженный садъ пойду—
Весь разсѣянъ по землѣ его нарядъ.
Бирюзой сіяетъ небо, а въ саду—
Краснымъ пламенемъ настурціи горятъ.

Первый утренникъ—предвѣстникъ зимнихъ дней.
Но сіяетъ небо ярче съ высоты,
Сердце стало и трезвѣй, и холоднѣй.
Но какъ пламя рдѣютъ поздніе цвѣты.

ОГОНЬ.

Нѣтъ ничего грустнѣй ночного
Костра, забытаго въ бору.
О, какъ дрожитъ онъ, потухая
И разгораясь на вѣтру!

Ночной холодный вѣтеръ съ моря
Внезапно залетаетъ въ боръ;
Онъ, бѣшено кружась, бросаетъ
Въ костеръ истлѣвшій хвойный соръ—

И пламя вспыхиваетъ жадно,
И тьма, висѣвшая шатромъ,
Вдругъ затрепещетъ, открывая
Стволы и вѣтви надъ костромъ.

Но вѣтеръ пролетаетъ мимо,
Теряясь гдѣ-то въ высотѣ,
И вѣтру отвѣчаетъ гуломъ
Весь боръ, незримый въ темнотѣ.

И снова затопляетъ тьмою
Свѣтъ замирающій... О, да!
Еще порывъ, еще усилье—
И онъ исчезнетъ безъ слѣда,

И явственнѣй во мракѣ станетъ
Звонъ сонной хвои, скрипъ стволовъ
И этотъ жуткій, все ростущій,
Протяжный гулъ морскихъ валовъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Катится дискомъ золотымъ
Луна въ провалы черной тучи,
И таетъ въ ней, и льетъ сквозь дымъ
Свой блескъ на каменныя кручи.

Но погляди на небосклонъ:
Луна стоитъ, а дымъ мелькаетъ.
О, да! Не время убѣгаетъ—
Уходитъ жизнь, бѣжитъ, какъ сонъ.

СТАРИКЪ.

Старикъ сидѣлъ, покорно и уныло
Поднявши брови, въ креслѣ у окна.
На столикѣ, гдѣ чашка чаю стыла,
Сигара нагорѣвшая струила
Полоски голубого волокна.

Былъ зимній день, и на лицо худое,
Сквозь этотъ легкій и душистый дымъ,
Смотрѣло солнце вѣчно молодое,
Но ужъ его сіянье золотое
На западъ шло по комнатамъ пустымъ.

Часы въ углу своею четкой мѣрой
Отмѣривали время... На закатъ
Смотрѣлъ старикъ съ безпомощною вѣрой...
Росъ на сигарѣ пепелъ темно-сѣрый,
Струился сладковатый ароматъ.

СУМЕРКИ.

Какъ дымъ, сѣдая мгла мороза
Застыла въ сумракѣ ночномъ.
Какъ привидѣніе, береза
Стоитъ, сѣрѣя за окномъ.

Таинственно въ углахъ стемнѣло,
Чуть свѣтитъ печь, и, точно тѣнь,
Надъ всѣмъ простерлася несмѣло
Грусть, провожающая день,—

Грусть, разлитая на закатѣ
Въ полупомеркнувшей золѣ,
И въ тонкомъ тепломъ ароматѣ
Сгорѣвшихъ дровъ, и въ полумглѣ,

И въ тишинѣ,—такой угрюмой,
Какъ будто блѣдный призракъ дня
Съ какою-то глубокой думой
Глядитъ сквозь сумракъ на меня.

ОЛЕНЬ.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Здѣсь шелъ олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.

Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталъ тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ —
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.

Вотъ снова слѣдъ—размѣренный и рѣдкій...
И вдругъ—прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ—и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу.

О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

ЗМѢЯ.

Покуда мартъ гудитъ въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей, —безцвѣтна и плоска.
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листвѣ тяжелымъ,
Холоднымъ сномъ... Но ужъ весна близка.

Ужъ въ облакахъ, какъ синія оконца,
Сквозитъ лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припалъ къ листвѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей.. Я медленно ползу—
И вотъ опять цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, то въ бирюзу.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ—змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй—
Тѣмъ ядовитѣй я.

НЕБО.

Въ деревнѣ капали капели,
Былъ теплый солнечный апрѣль.
Блестѣли вывѣски и стекла
И празднично бѣлѣлъ отель.

А надъ деревней, надъ горами
Раскрыты были небеса,
И по горамъ, къ вершинамъ бѣлымъ,
Шли темносиніе лѣса.

И отъ вершинъ, какъ мраморъ чистыхъ,
Отъ изумрудныхъ ледниковъ
И отъ небесъ зеленоватыхъ
Тянуло свѣжестью снѣговъ.

И я ушелъ къ зимѣ, на сѣверъ.
И цѣлый день бродилъ въ лѣсахъ,
Душой теряясь въ необъятныхъ
Зеленоватыхъ небе́сахъ.

И, радуясь, душа стремилась
Рѣшить одно: зачѣмъ живу?
Зачѣмъ хочу сказать кому-то,
Что тянетъ въ эту синеву,

Что прелесть этихъ чистыхъ красокъ
Словами выразить нѣтъ силъ,
Что только небо—только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ?

НА ВИНОГРАДНИКѢ.

На виноградникѢ нельзя дышать. Лоза
Пожухла, сморщилась. Лучистый отблескъ моря
И бѣлизна шоссе слѣпятъ огнемъ глаза,
А дача на холмѣ, на голомъ косогорѣ.

Скрываюсь въ домъ. О, рай! Прохладно и темно,
Всѣ ставни заперты... Но нѣтъ, и здѣсь не скрыться:
Прямой горячій лучъ блеститъ сквозь щель въ окно—
И понемногу тьма рѣдѣетъ, золотится.

Еще мгновеніе—и приглядишься къ ней,
И будешь чувствовать, что за стѣною—море,
Что за стѣной—шоссе, что нѣтъ нигдѣ тѣней,
Что вся земля горитъ въ сіяющемъ просторѣ!

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Тьма затопляетъ лунный блескъ,
За тучу входитъ мѣсяцъ полный,
Холоднымъ вѣтромъ дышатъ волны
И все ростетъ ихъ шумный плескъ.

Вотъ на мгновенье разступился
Зловѣщій мракъ, и, точно ртуть,
По гребнямъ волнъ засеребрился
Дрожащій отблескъ—лунный путь.

Но какъ за нимъ сгустились тучи!
Какъ черный небосклонъ великъ!..
О, ночь! Сокрой во тьмѣ свой ликъ,
Свой взоръ тревожный и могучій!

ШТИЛЬ.

На плоскомъ взморьѣ—мертвый зной и штиль.
Слѣпитъ горячій свѣтъ, струится воздухъ чистый.
Расплавленной смолой сверкаетъ черный киль
Рыбацкаго челна на мели золотистой.

Съ нестройнымъ крикомъ голыхъ татарчатъ
Сливается порой пронзительный и жалкій,
Зловѣщій визгъ серебряной рыбалки...
Но небо ясно, отмели молчатъ.

Разлитъ заливъ зеркальностью безбрежной,
И глубоко на золотѣ песка,
Подъ хрусталемъ воды, сіяетъ бѣлоснѣжный
Недвижный отблескъ маяка.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Все море—какъ жемчужное зерцало,
Сирень съ отливомъ млечно-золотымъ.
И какъ тепло передъ закатомъ стало,
И какъ душистъ надъ саклей тонкій дымъ!

Вонъ чайка сѣла въ бухточкѣ скалистой,
Какъ поплавокъ.. Взлетаетъ иногда—
И видно, какъ струею серебристой
Сбѣгаетъ съ лапокъ розовыхъ вода.

У береговъ въ водѣ застыли скалы,
Подъ ними свѣтитъ жидкій изумрудъ.
А тамъ, вдали—и жемчугъ, и опалы
По золотистымъ яхонтамъ текутъ.

СЪ ОСТРОГОЙ.

Костёръ трещитъ. Въ фелюкѣ свѣтъ и жаръ.
Въ водѣ стоятъ и серебрятся щуки,
Бѣлѣетъ дно... Бери трезубецъ въ руки
И не спѣши. Ударъ! Еще ударъ!

Но поздно. Страсть—какъ сладостный кошмаръ,
Но силъ ужъ нѣтъ, противны кровь и муки...
Гаси, гаси—вали съ борта фелюки
Костеръ въ Лиманъ.. И чадъ, и дымъ, и паръ.

Теперь легко, прохладно. Выступаютъ
Туманныя созвѣздья въ полутьмѣ.
Волна качаетъ, рыбы засыпаютъ...
И вверхъ лицомъ ложусь я на кормѣ.

Плыть—до зари, но въ морѣ путь не скученъ.
Я задремлю подъ ровный стукъ уключинъ.

ОКЕАНИДЫ.

Въ полдневный зной, когда на щебень,
На валуны прибрежныхъ скалъ,
Кипя, встаетъ за гребнемъ гребень,
Крутясь, идетъ за валомъ валъ,—

Когда изгибъ прибоя блещетъ
Зеркально вогнутой грядой
И въ немъ сіяетъ и трепещетъ
Отъ гребня отблескъ золотой,—

Какъ веселъ ты, о буйный хохотъ,
Звенящій смѣхъ Океанидъ,
Подъ этотъ влажный шумъ и грохотъ
Летящихъ въ пѣнѣ на гранитъ!

Какъ звучно море подъ скалами
Дробитъ на солнцѣ зеркала
И въ пѣнѣ, вмѣстѣ съ зеркалами,
Клубитъ ихъ бѣлыя тѣла!

ДЮНЫ.

За сизыми дюнами—сѣверный тусклый туманъ.
За сизыми дюнами—сѣрая даль океана.
На зыби холодной, у берега—черный бакланъ,
На зыби маячитъ высокая шейка баклана.

За сизыми дюнами—сѣверъ. Вдали иногда
Проходятъ, какъ тѣни, норвежскія старыя шхуны—
И снова все пусто. Холодное небо, вода,
Туманъ синеватый и дюны.

НА БѢЛЫХЪ ПЕСКАХЪ.

На бѣлыхъ пескахъ отъ прилива
Не мало осталось къ зарѣ
Сверкающихъ лужъ и затоновъ—
Зеркальныхъ полосъ въ серебрѣ.

Не мало камней самоцвѣтныхъ
Осталось на дюнахъ нагихъ,
И смотритъ, какъ ангелъ лазурный,
Весеннее утро на нихъ.

А къ западу сумракъ тѣснится,
И съ сумракомъ, въ сизый туманъ,
Свивается сонный, угрюмый
Тяжелый удавъ—Океанъ.

СТОНЪ.

Какъ розовое море—даль пустынь.
Какъ синій лотосъ—озеро Мерида.
„Встань, сонный рабъ, и свой шалашъ покинь:
Ужъ озлатилась солнцемъ пирамида“.

И рабъ встаетъ. Отъ жесткаго одра
Идетъ подъ зной и пламень небосклона.
Разсвѣтъ горитъ. И въ пышномъ блескѣ Ра
Вдали звучатъ стенанія Мемнона.

КАМЕННАЯ БАБА.

Отъ зноя травы сухи и мертвы.
Степь—безъ границъ, но даль синѣетъ слабо.
Вотъ остовъ лошадиной головы.
Вотъ снова—Каменная Баба.

Какъ сонны эти плоскія черты!
Какъ первобытно грубо это тѣло!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мнѣ улыбаешься несмѣло.

О, дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцемъ?
— О, да, не Богъ насъ создалъ. Это мы
Боговъ творили рабскимъ сердцемъ.

МИСТИКУ.

Въ холодный залъ, луною освѣщенный,
Ребенкомъ я вошелъ.
Тѣнями рамъ старинныхъ испещренный,
Блестѣлъ вощенный полъ.

Какъ въ алтарѣ, высоки окна были,
А тамъ, въ саду—луна,
И бѣлый снѣгъ, и въ пудрѣ снѣжной пыли—
Столѣтняя сосна.

И въ страхѣ я въ дверяхъ остановился:
О, да, какъ въ алтарѣ,
По залу ладанъ сумрака дымился,
Сквозя на серебрѣ!

Но взглядъ упалъ на небо: небо ясно,
Луна чиста, свѣтла—
И страхъ исчезъ... Какъ часто, какъ напрасно
Дѣтей пугаетъ мгла!

Теперь давно мистическаго храма
Мнѣ жалокъ темный бредъ:
Когда идешь надъ бездной—надо прямо
Смотрѣть въ лазурь и свѣтъ.

ЭСХИЛЪ.

Я содрогаюсь, глядя на твои
Черты нѣмыя, полныя могучей
И строгой мысли. Съ древней простотой
Изваянъ ты, о старецъ. Безконечно
Далеки дни, когда ты жилъ, и миѳомъ
Теперь тѣ дни намъ кажутся. Ты страшенъ
Ихъ древностью. Ты страшенъ тѣмъ, что ты,
Незримый въ мірѣ двадцать пять столѣтій,
Незримо въ немъ присутствуешь до нынѣ,
И предъ твоею славой легендарной
Безсильно Время.--Рокъ неотвратимъ,
Все въ мірѣ предначертано Судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвенье

Дѣла всѣхъ дѣлъ. Но ты предъ Адрастеей
Склонилъ чело суровое съ такимъ
Величіемъ, съ такою мощью духа,
Какая подобаетъ лишь богамъ,
Да смертному, дерзнувшему впервые
Возславить духъ и дерзновенье смертныхъ!

ОРМУЗДЪ.

Ни алтарей, ни истукановъ,
Ни темныхъ капищъ. Міръ одѣтъ
Въ покровы мрака и тумановъ:
Боготворите только Свѣтъ.

Владыка Свѣта весь въ единомъ—
Въ борьбѣ со Тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Возненавидьте только Тьму.

Ночь третью міра властно правитъ.
Но мудрый жаждетъ вѣрить Дню:
Онъ въ мірѣ радость солнца славитъ,
Онъ поклоняется Огню

И, возложивъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приноситъ въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, всевидящій Датаръ!

САМСОНЪ.

Былъ ослѣпленъ Самсонъ, былъ Господомъ обиженъ,
Былъ чадами грѣха поруганъ и униженъ
И приведенъ на пиръ. Тамъ, опустивъ къ землѣ
Незрячіе глаза, онъ слушалъ смѣхъ и клики,
Но мгла текла предъ нимъ—и въ этой жуткой мглѣ
Пылали грозные архангельскіе лики.
Они росли, какъ смерчь,—и вдругъ разверзлась твердь,
Прорѣзалъ тьму глаголъ: „Возстань, мой рабъ любимый!“
И просіялъ слѣпецъ красой непостижимой
Затрепеталъ, какъ кедръ, и поблѣднѣлъ, какъ смерть.
О, не плѣнитъ его теперь Ваала хохотъ,
Не обольститъ очей ни пурпуръ, ни виссонъ! –
И цѣлый міръ потрясъ громовый гулъ и грохотъ:
Зане былъ слѣпъ Самсонъ.

У БЕРЕГОВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

Здѣсь царство Амазонокъ. Были дики
Ихъ буйныя забавы. Много дней
Звучали здѣсь ихъ радостные клики
И ржаніе купавшихся коней.

Но вѣкъ нашъ—мигъ. И кто укажетъ нынѣ,
Гдѣ на пески ступала ихъ нога?
Не вѣтеръ ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагіе берега?

Давно унесъ, развѣялъ вѣтеръ южный
Ихъ голоса отъ этихъ береговъ...
Давно слизалъ, размылъ прибой жемчужный
Съ сырыхъ песковъ слѣды подковъ...

ПОТОПЪ.

ХАЛДЕЙСКІЕ МИѲЫ.

Когда ковчегъ былъ конченъ и наполненъ,
И я, царь Касисадра, Ксисутросъ,
Зарылъ въ Сиппарѣ хартіи закона,
Раздался съ неба голосъ: „На закатѣ
На землю хлынетъ ливень. Затвори
Въ ковчегѣ дверь". И вотъ настало время
Войти въ ковчегъ. Со страхомъ ждалъ я ночи
И въ страхѣ затворилъ я дверь ковчега.
И въ страхѣ поручилъ свою судьбу
Бусуркургалу, кормчему. А утромъ
Поднялся вихрь—и тучи охватили
Изъ края въ край все землю. Роману
Гремѣлъ среди небесъ. Нэбо и Сарру
Согласно надвигались по долинамъ
И по горамъ. Нергалъ далъ волю вѣтру.
Нинипъ наполнилъ рѣки, и несли
Смерть и погибель Геніи. До неба

Достигли воды. Свѣтъ потухъ во мракѣ
И братъ не видѣлъ брата. Сами боги
Къ вершинамъ Анну въ страхѣ поднялись
И на престолахъ плакали, и съ ними
Истара горько плакала. Шесть дней
И семь ночей свирѣпствовали въ мірѣ
Вихрь, ураганъ и вѣтеръ—наконецъ,
Съ разсвѣтомъ дня, смирились. Воды пали
И ливень стихъ. Я плакалъ о погибшихъ,
Носясь по волѣ волнъ—и предо мною,
Какъ бревна, трупы плавали. Я плакалъ,
Открывъ окно и увидавши солнце.

АГНИ.

СОНЕТЪ.

Лежу во тьмѣ, сраженный злою силой.
Лежу и жду, недвижный и нѣмой:
Идутъ, поютъ надъ вырытой могилой,
Несутъ огни,—вѣщаютъ жребій мой.

Звенятъ въ щиты, зовутъ меня домой,
Въ стоустый вопль сливаютъ плачъ унылый.
Но мнѣ легко: ты, Агни свѣтлокрылый,
Спасешь меня, разъединишь со тьмой.

Смотрите, братья, недруги и други,
Какъ богъ, гудя, охватитъ мой костеръ,
Отсвѣчивая золотомъ въ кольчугѣ!

Смирите скорбь рыдающихъ сестеръ:
Богъ взялъ меня и жертвою простеръ,
Чтобъ возродить на свѣтозарномъ Югѣ!

СТОЛПЪ ОГНЕННЫЙ.

Въ пустынѣ долго, долго мы блуждали,
Томительно намъ знойный день свѣтилъ,
Во мглистыя сверкающія дали
Туманный Столпъ предъ нами уходилъ.

Но пала ночь—и скрылся столпъ туманный,
Миражъ исчезъ, сильнѣе дышетъ грудь—
И Пламенемъ къ землѣ обѣтованной
Намъ Ягве указуетъ путь!

ДЕНЬ ГНѢВА.

АПОКАЛИПСИСЪ, VI.

...И Агнецъ снялъ четвертую печать.
И услыхалъ я голосъ, говорившій:
„Возстань. Смотри!“ И я взглянулъ: конь блѣденъ.
На немъ же мощный всадникъ—Смерть. И Адъ
За нею шелъ, и власть у ней была
Надъ четвертью земли, да умерщвляетъ
Мечомъ и гладомъ, моромъ и звѣрями.

И пятую Онъ снялъ печать. И видѣлъ
Я подъ престоломъ души убіенныхъ,
Вопившія: „Доколѣ, о Владыко.
Не судишь ты живущихъ на землѣ
За нашу кровь?“—И были имъ даны

Одежды бѣлоснѣжныя, и было
Имъ сказано: да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ умрутъ,
Какъ и они, за словеса Господни.

Когда же снялъ шестую Онъ печать,
Взглянулъ я вновь, и вотъ—до основаній
Потрясся міръ, и солнце стало мрачно,
Какъ вретище, и ликъ луны—какъ кровь;
И звѣзды устремились внизъ, какъ въ бурю
Незрѣлый плодъ смоковницы, и небо
Свилось, какъ свитокъ хартіи, и горы,
Колеблясь, съ мѣста двинулись; и всѣ
Цари земли, вельможи и владыки,
Богатые и сильные, рабы
И вольные—всѣ скрылися въ пещеры,
Въ ущелья горъ, и говорятъ горамъ
И камнямъ ихъ: „Падите и сокройте
Насъ отъ лица Сидящаго во славѣ
И гнѣва Агнца: ибо настаетъ
Великій день Его всесильной кары!“

СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

АПОКАЛИПСИСЪ, 1.

Я, Іоаннъ, вашъ братъ и соучастникъ
Въ скорбяхъ и царствѣ Господа, былъ изгнанъ
На Патмосъ за свидѣтельство Христа.

Я осѣненъ былъ духомъ въ день воскресный
И слышалъ за собою какъ бы трубный
Могучій гласъ: „Я Алфа и Омега“.

И обратился, дабы видѣть очи
Того, кто говоритъ, и, обратившись,
Увидѣлъ семь свѣтильниковъ златыхъ.

И посреди ихъ пламенниковъ—мужа.
Подиромъ облеченнаго по стану
И въ поясѣ изъ золота—по персямъ.

Глава Его и волосы сіяли,
Какъ горный снѣгъ, какъ бѣлая ярина,
И точно пламень огненный—глаза.

Стопы его—халколиванъ горящій,
Какъ будто раскаленыя въ горнилѣ,
И гласъ Его былъ шумомъ многихъ водъ.

Семь звѣздъ въ Его десницѣ, мечь струился
Изъ устъ Его, и ликъ Его—какъ Солнце,
Блистающее въ славѣ силъ своихъ.

И, увидавъ, я палъ предъ Нимъ, какъ мертвый.

ЭЛЬБУРСЪ.

ИРАНСКІЙ МИѲЪ.

На льдахъ Эльбурса солнце всходитъ.
На льдахъ Эльбурса жизни нѣтъ.
Вокругъ него на небосводѣ
Течетъ алмазный кругъ планетъ.

Туманъ, всползающій на скаты,
Вершинъ не въ силахъ досягнуть:
Однимъ небеснымъ Іазатамъ
Къ вѣнцу земли доступенъ путь.

И Митра, чье святое имя
Благословляетъ вся земля,
Восходитъ первый между ними
Зарей на льдистыя поля.

И свѣтитъ ризой златотканной,
И озираетъ съ высоты
Истоки рѣкъ, пески Ирана
И горъ волнистые хребты.

АТЛАНТЪ.

...И долго, долго шли мы плоскогорьемъ
Межъ дикихъ скалъ—все выше, выше къ небу
По камнямъ и кустарникамъ, въ туманѣ,
То закрывавшемъ солнце, то, какъ дымъ,
По вѣтру проносившемся предъ нами—
И вдругъ обрывъ, бездонное пространство
И глубоко въ пространствѣ—необъятный,
Туманно восходящій къ горизонту
Своей воздушно-зыбкою равниной
Лилово-синій южный Океанъ...
И Сатана спросилъ, остановившись:
„Ты вѣришь ли въ преданія, въ легенды?"

Еще былъ мартъ, и только что мы вышли
На высшій изъ утесовъ надъ обрывомъ,
Навстрѣчу намъ пахнуло зимней бурей,

И увидалъ я съ горной высоты,
Что пышность южныхъ красокъ въ Океанѣ
Ея дыханіемъ мглистымъ смягчена,
И что въ горахъ, къ востоку уходящихъ
Излучиной хребтовъ своихъ, бѣлѣютъ,
Сквозь тусклость отдаленія, снѣга—
Заоблачные царственные кряжи
Въ холодныхъ вѣчныхъ саванахъ своихъ.
И Духъ спросилъ: „ты вѣришь ли въ Атланта?“

Крѣпясь стоялъ я на скалѣ, а вѣтеръ
Сорвать меня пытался, проносясь
Съ звенящимъ завываньемъ въ низкорослыхъ,
Измятыхъ, искривленныхъ бурей соснахъ,
И доносилъ изъ глубины глухой
Широкій шумъ—шумъ Вѣчности—протяжный
Шумъ дальнихъ волнъ... И, какъ орелъ, впервые
Взмахнувшій изъ родимаго гнѣзда
Надъ ширью Океана, былъ я счастливъ
И упоенъ твоею первозданной
Непостижимой силою, Атлантъ!
—О, да, Титанъ, я вѣрилъ, жадно вѣрилъ.

ЗОЛОТОЙ НЕВОДЪ.

Волна ушла—блестятъ, какъ золотые,
    На солнцѣ валуны.
Волна идетъ—какъ изъ стекла литые,
    Идутъ бугры волны.

По нимъ скользитъ, колышется медуза,
    Живой морской цвѣтокъ...
Но вотъ волна изнемогла отъ груза
    И пала на песокъ,

Зеркальной зыбью блещетъ и дробится,
    А солнце подъ водой
По валунамъ скользитъ и шевелится,
    Какъ неводъ золотой.

НОВОСЕЛЬЕ.

Весна! Темнѣетъ надъ ауломъ,
Свѣтъ фіолетовый мелькнулъ—
И горный кряжъ стократнымъ гуломъ
Отвѣтилъ на громовой гулъ.

Весна! Справляя новоселье,
Она веселый катитъ громъ
И будитъ звучное ущелье,
И сыплетъ съ неба сребромъ.

ДАГЕСТАНЪ.

Насторожись, стань крѣпче въ стремена.
Въ ущельи мракъ, шумящіе каскады,
И до небесъ скалистыя громады
Встаютъ въ концѣ ущелья, какъ стѣна.

Надъ ихъ челомъ—далекихъ звѣздъ алмазы,
А на груди, въ зловѣщей темнотѣ,
Лежитъ аулъ—драконъ тысячеглазый,
Горитъ огнями въ высотѣ.

ПОСЛУШНИКЪ.

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

„Братъ, какъ пасмурно въ кельѣ!
Бѣлый снѣгъ лежитъ въ ущельи.

Но на скатѣ, на льдинѣ
Видѣлъ я подснѣжникъ синій“.

—„Братъ, ты бредишь, ты блѣденъ!
Горный край суровъ и бѣденъ.

Монастырь нашъ высоко,
До весны еще далеко“.

„Не пугайся, братъ милый!
    Скоро смолкнетъ бредъ унылый—

Къ ночи вьюга пустыни
    Занесетъ подснѣжникъ синій!“

НА ОБВАЛѢ.

Печальный берегъ! Сизыя твердыни
Гранитныхъ стѣнъ до облаковъ встаютъ,
А ниже—хаосъ каменной пустыни,
Лавина щебня, дьявола пріютъ.

Но нищета смиренна. Одиноко
Она ушла на берегъ—и къ скалѣ
Прилипла сакля... Вѣрный рабъ Пророка
Довольствуется малымъ на землѣ.

И вотъ—жилье. Надъ хижиной убогой
Дымокъ синѣетъ... Прыгаетъ коза...
И со скалы, нависшей надъ дорогой,
Блестятъ агатомъ дѣтскіе глаза.

ХАЯ-БАШЪ.

Ночь идетъ,—молись, слуга Пророка.
Ночь идетъ—и Хая-Башъ встаетъ.
Вѣтеръ съ горъ, онъ крѣпнетъ—и широко,
Какъ саазъ, туманный боръ поетъ.

Ты уже высоко,—отъ аула
Ты уже далеко. А въ бору
Зимней стужей съ Хая-Башъ пахнуло,
Задымились сосны на вѣтру.

Васъ у перевала только двое—
Ты да конь. А боръ померкъ, дымитъ.
Звонкій вѣтеръ въ крѣпкой синей хвоѣ
Все звончѣй и сумрачнѣй шумитъ.

Гдѣ ты заночуешь? Зябнетъ тѣло,
    Зябнетъ сердце... Конь не пилъ съ утра...
Видишь-ли сквозь сосны? Побѣлѣла
    Хая-Башъ, гранитная гора.

Тамъ нависло небо низко, низко,
    Тамъ снѣга и зимняя тоска...
А ужъ если своды неба близко—
    Значитъ, смерть близка!

ВЪ КРЫМСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Синѣетъ снѣговой просторъ,
Померкла степь. Бѣлѣе снѣга
Мерцаетъ дѣвственная Вега
Надъ дальнимъ станомъ крымскихъ горъ.

Ужъ сумракъ палъ, какъ пепелъ сизый,
Какъ дымъ угасшаго костра:
Лишь свѣтится багряной ризой
Престолъ Аллы—Шатеръ Гора.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

ИЗЪ „КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ“ МИЦКЕВИЧА.

Повѣялъ вѣтерокъ, прохладою лаская.
Свѣтильникъ міра палъ съ небесъ на Чатырдахъ,
Разбился, расточилъ багрянецъ на скалахъ
И гаснетъ. Тьма растетъ, молчаніемъ пугая.

Чернѣютъ гребни горъ, въ долинахъ ночь глухая,
Какъ будто въ полуснѣ журчатъ ручьи впотьмахъ;
Ночная пѣснь цвѣтовъ—дыханье розъ въ садахъ
Беззвучной музыкой плыветъ, благоухая.

Дремлю подъ темными крылами тишины.
Вдругъ метеоръ блеснулъ —и, ослѣпляя взоры,
Потопомъ золота залилъ лѣса и горы.

Ночь! одалиска ночь! Ты навѣваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнетъ—
Твой искрометный взоръ тотчасъ же снова вспыхнетъ!

АЙЯ-СОФІЯ.

Свѣтильники горѣли, непонятный
Звучалъ языкъ,—Великій Шейхъ читалъ
Святой Коранъ,—и куполъ необъятный
Въ угрюмомъ мракѣ пропадалъ.

Кривую саблю вскинувъ надъ толпою,
Шейхъ поднялъ ликъ, закрылъ глаза—и страхъ
Царилъ въ толпѣ, и мертвою, слѣпою
Она лежала на коврахъ...

А утромъ храмъ былъ свѣтелъ. Все молчало
Въ смиренной и священной тишинѣ,
И солнце ярко куполъ озаряло
Въ непостижимой вышинѣ.

И голуби въ немъ, рѣя, ворковали,
И съ вышины, изъ каждаго окна,
Просторъ небесъ и воздухъ сладко звали
Къ тебѣ, Любовь, къ тебѣ, Весна!

КЪ ВОСТОКУ.

Вотъ и скрылись, позабылись снѣжныхъ горъ чалмы.
Зной пустыни, путь къ востоку, мертвые холмы.

Каменистый, красно-сѣрый, мутный океанъ
Безъ конца уходитъ въ знойный голубой туманъ.

И все жарче, жарче вѣетъ изъ степей теплынь,
И все суше, рѣзче пахнетъ горькая полынь.

И холмы все безнадежнѣй... Глина, роговикъ...
День тутъ свѣтелъ, безконеченъ, вечеръ синь и дикъ.

И едва стемнѣетъ, смеркнетъ, гдѣ-то между скалъ,
Какъ дитя, какъ джинъ пустыни, плачется шакалъ,

И на мягкихъ крыльяхъ совки трепетно парятъ,
И на тускломъ небѣ звѣзды сумрачно горять.

ИСЛАМЪ.

ПУТЕВОДНЫЕ ЗНАКИ.

Онъ ставитъ путеводные знаки.

Коранъ.

Богъ для ночныхъ паломниковъ въ Могребѣ
Зажегъ огни—святыя звѣзды Пса.
Привѣтъ тебѣ, сверкающая въ небѣ
Алмазно-синяя роса!

Путь по пескамъ отъ Газы до Арима
Богъ оживилъ примѣтами, какъ встарь.
Привѣтъ вамъ камни—четки пилигрима—
Въ пустынѣ ведшіе Агарь!

Костями Богъ усѣялъ всѣ дороги,
Какъ слѣдъ гіенъ среди ущелій Ти.
Привѣтъ вамъ, почивающіе въ Богѣ,
Намъ проторившіе пути!

ПАСТУХИ.

Просвѣтляйтесь молитвой въ часъ заката.

Коранъ.

Тонетъ солнце, рдянымъ углемъ тонетъ
За пустыней сизой. Дремлетъ, клонитъ
Головы баранта. Близокъ часъ:
Мы проводимъ солнце, обувь скинемъ
И свершимъ подъ звѣзднымъ, темно-синимъ
Милосерднымъ небомъ свой намазъ.

Пастухи пустыни, что мы знаемъ!
Мы, какъ сказки дѣтства, вспоминаемъ
Минареты нашихъ отчихъ странъ.

Разверни же, Вѣчный, надъ пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звѣздъ небесныхъ—нашъ Коранъ!

И, склонивъ колѣни, мы закроемъ
Очи въ сладкомъ страхѣ, и омоемъ
Лица холодѣющимъ пескомъ,
И возвысимъ голосъ, и съ мольбою
Разольемся въ прахѣ передъ Тобою,
Какъ волна на берегу морскомъ.

МИРАЖЪ.

Мы дали тебѣ Ковсерь.

Коранъ.

Здѣсь царство сновъ. На сотни верстъ безлюдны
Солончаковъ нагіе берега.
Но воды въ нихъ—небесно изумрудны
И шелкъ песковъ бѣлѣе, чѣмъ снѣга.

Въ шелкахъ песковъ лишь сизыя полыни
Раститъ Аллахъ для кочевыхъ отаръ.
Но небеса здѣсь несказанно сини
И солнце въ нихъ—какъ адскій огнь, Сакаръ.

И въ знойный часъ, когда миражъ зеркальный
Сольетъ весь міръ въ одинъ великій сонъ,
Въ безбрежный блескъ, за грань земли печальной,
Въ сады Джиннатъ уноситъ душу онъ.

А тамъ течетъ, тамъ льется за туманомъ
Рѣка всѣхъ рѣкъ, лазурная Ковсерь,
И всей землѣ, всѣмъ племенамъ и странамъ
Сулитъ покой... Терпи, молись—и вѣрь.

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ.

СОНЕТЪ.

Онъ драгоцѣнной яшмой былъ когда то,
Онъ былъ неизреченной бѣлизны—
Какъ цвѣтъ садовъ блаженнаго Джинната,
Какъ горный снѣгъ въ дни солнца и весны.

Духъ Гавріилъ для старца Авраама
Его нашелъ среди песковъ и скалъ,
И геніи хранили двери храма,
Гдѣ онъ жемчужной грудою сверкалъ.

Но шли вѣка—со всѣхъ концовъ вселенной
Къ нему неслись молитвы, и рѣкой
Текли во храмъ, далекій и священный,
Сердца, обремененныя тоской...

Аллахъ! Аллахъ! Померкъ твой даръ безцѣнный—
Померкъ отъ слезъ и горести людской!

МУДРЫМЪ.

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки,
Герой врагу безумный далъ отпоръ,
Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
Какъ искрометный метеоръ.

А трусъ—живетъ. Онъ тоже месть лелѣетъ,
Онъ точитъ мѣткій дротикъ, но тайкомъ.
О, да, онъ—мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣетъ,
Какъ огонекъ подъ кизякомъ.

ЗЕЛЕНЫЙ СТЯГЪ.

Ты почіешь въ ларцѣ, въ драгоцѣнномъ ковчегѣ,
Ветхій дѐньми, Эски,
Ты, сзывавшій на брань и святые набѣги
Чрезъ моря и пески.

Ты уснулъ, но твой сонъ—золотыя видѣнья.
Ты сквозь сорокъ шелковъ
Дышешь запахомъ розъ и дыханіемъ тлѣнья—
Ароматомъ вѣковъ.

Ты покоишься въ мирѣ, о слава Востока!
Но сердца покорилъ
Ты на вѣкъ. Не тебя ль надъ главою Пророка
Воздвигалъ Гавріилъ?

И не ты ли царишь надъ Востокомъ донынѣ?
Развернися, возстань—
И возстанетъ Исламъ, какъ самумы пустыни,
На священную брань!

Проклятъ тотъ, кто велѣній Корана не слышитъ.
Проклятъ тотъ, кто угасъ
Для молитвы и битвъ,—кто для жизни не дышетъ,
Какъ безплодный Геджасъ.

Ангелъ Смерти сойдетъ въ гробовыя пещеры, -
Ангелъ Смерти сквозь тьму
Вопрошаетъ у мертвыхъ ихъ символы вѣры:
Что мы скажемъ Ему?

СВЯЩЕННЫЙ ПРАХЪ.

Пыль, по которой Гавріилъ
Свой путь незримый совершаетъ
Въ полночный часъ среди могилъ,
Цѣлитъ и мертвыхъ воскрешаетъ.

Прахъ, на который пала кровь
Погибшихъ въ битвѣ за свободу,
Благоговѣнье и любовь
Внушаетъ мудрому народу.

Прильни къ нему, благослови
Мигъ созерцанія святыни,
И въ битву мести и любви
Возстань, какъ ураганъ пустыни!

ЗА ИЗМѢНУ.

Вспомни тѣхъ, что покинули
страну свою ради страха смерти!

Коранъ.

Ихъ Господь истребилъ за измѣну несчастной отчизнѣ,
Онъ костями ихъ тѣлъ, черепами усѣялъ поля.
Воскресилъ ихъ пророкъ: онъ просилъ имъ у Господа
жизни.
Но позора Земли никогда не прощаетъ Земля.

Двѣ легенды о нихъ прочиталъ я въ легендахъ Востока.
Милосердна одна: воскрешенные пали въ бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили въ пустынномъ и дикомъ краю.

Въ день возстанья изъ мертвыхъ одежды ихъ черными
стали,
Въ знакъ того, что на нихъ—замогильнаго тлѣнія
слѣдъ,
И до гроба ихъ лица, склоненныя долу въ печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвѣтъ.

АВРААМЪ.

КОРАНЪ, VI.

Былъ Авраамъ въ пустынѣ темной ночью
И увидалъ на небесахъ звѣзду.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но въ полночь
Звѣзда зашла—и свѣтъ ея померкъ.

Былъ Авраамъ въ пустынѣ предъ разсвѣтомъ
И восходящій мѣсяцъ увидалъ.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но мѣсяцъ
Померкъ и закатился, какъ звѣзда.

Былъ Авраамъ въ пустынѣ раннимъ утромъ
И руки къ солнцу радостно простеръ.
„Вотъ мой Господь!“— воскликнулъ онъ. Но солнце
Свершило день и закатилось въ ночь.

Богъ правый путь повѣдалъ Аврааму.

НОЧЬ АЛЬ-КАДРА.

Въ эту ночь ангелы сходятъ съ неба. И до зари царитъ въ эту ночь миръ.

Коранъ.

Ночь Аль-Кадра... Сошлись, слились вершины
И выше къ небесамъ воздвиглись ихъ чалмы.
Пѣлъ муэззинъ... Еще алѣютъ льдины,
Но изъ тѣснинъ, съ долинъ ужъ дышетъ холодъ тьмы.

Ночь Аль-Кадра... По темнымъ горнымъ склонамъ
Еще спускаются, слоятся облака.
Пѣлъ муэззинъ... Передъ Великимъ Трономъ
Уже течетъ, дымясь, Алмазная Рѣка.

И Гавріилъ—неслышно и незримо—
Обходитъ спящій міръ... Господь, благослови
Незримый путь святаго пилигрима
И дай землѣ Твоей ночь мира и любви!

САТАНА—БОГУ.

> И когда мы сказали ангеламъ: падите ницъ передъ Адамомъ, всѣ пали, кромѣ Эблиса, сотвореннаго изъ огня.
>
> *Коранъ.*

Я—изъ огня, Адамъ—изъ мертвой глины.
И Ты велишь мнѣ предъ Адамомъ пасть!
Что-жъ, сѣй въ огонь листву сухой маслины—
Смиряй листвой его живую страсть.

О, не смиришь! Я только выше вскину
Свой красный стягъ. Смотри: ужъ Твой Адамъ
Охваченъ мной!—Я выжгу эту глину,
Я, какъ гончаръ, закалъ и звукъ ей дамъ.

ДЖИНЫ.

Стынутъ пески въ тишинѣ и молчаніи ночи...
Вдругъ зашумѣло сухимъ и холоднымъ пескомъ,
Пыль заклубилась, сверкнули несмѣтныя очи,
Вѣтромъ пахнуло—и снова все стихло кругомъ.

Звѣзды горятъ надъ безлюдною, мертвой землею,
Царственно блещетъ святое созвѣздіе Пса...
Вдругъ потемнѣло—и огненно красной змѣею
Кто-то прорѣзалъ надъ темной землей небеса.

Путникъ, не бойся! Въ пустынѣ чудеснаго много:
Это не вихри, а джины тревожатъ ее,
Это архангелъ, слуга милосерднаго Бога,
Въ демоновъ ночи метнулъ золотое копье.

Демоны всюду преграды куютъ человѣку—
Имъ ненавистна святая дорога во храмъ.
Но не страшись: на разсвѣтѣ увидишь ты Мекку
И облечешься въ Ирамъ.

ЗЕЙНАБЪ.

Зейнабъ, свѣжесть очей! Ты—арабскій кувшинъ:
Чѣмъ душнѣе въ палаткахъ пустыни,
Чѣмъ стремительнѣй дуетъ горячій хамсинъ,
Тѣмъ вода холоднѣе въ кувшинѣ.

Зейнабъ, свѣжесть очей! Ты строга и горда:
Чѣмъ безумнѣе любишь--тѣмъ строже.
Но сладка, о сладка ледяная вода,
А для путника—жизни дороже!

СКЛОНЪ ГОРЪ.

Склонъ горъ, сады и минаретъ.
Къ звѣздамъ стремятся кипарисы,
Спитъ море. Теплый лунный свѣтъ
Позолотилъ холмы и мысы.

И кротокъ этотъ свѣтъ: насталъ
Часъ мертвой тишины —ужъ клонитъ
Луна свой ликъ, ужъ между скалъ
Протяжно полуночникъ стонетъ.

И замеръ ароматъ садовъ.
Узорный блескъ подъ ихъ вѣтвями
Сталъ угасать среди цвѣтовъ,
Сплетаясь съ длинными тѣнями.

И неподвижно Ночь сидитъ
Надъ тихимъ моремъ: на колѣно
Облокотилася,—глядитъ
На валуны, гдѣ блещетъ пѣна.

И вся застыла, устремивъ
Въ заливъ задумчивыя очи;
А міръ—міръ дремлетъ: онъ красивъ,
Онъ счастливъ тайной грустью Ночи.

Передразсвѣтный лунный свѣтъ
Чуть золотитъ холмы и мысы,
Свѣчей желтѣетъ минаретъ,
Чернѣютъ маги кипарисы,

Блестя, ушелъ въ морской просторъ
Заливъ зеркальными луками,
Таинственно вершины горъ
Мерцаютъ вѣчными снѣгами.

БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ.

Въ пустынѣ красной надъ Пророкомъ
Летѣлъ архангелъ Гавріилъ
И жгучій зной въ пути далекомъ
Смягчалъ сіяньемъ бѣлыхъ крылъ.

И я въ пути, и я въ пустынѣ.
И я, не смѣя отдохнуть,
Какъ Магометъ къ святой Railway Railwayинѣ,
Держу къ завѣтной цѣли путь.

Но зной не жжетъ—твоимъ привѣтомъ
Я и донынѣ осѣненъ:
Міръ серебристымъ нѣжнымъ свѣтомъ
Передо мною напоенъ.

ГРОБНИЦА САФІИ.

Горный ключъ по скаламъ и оврагамъ,
Полусонный, убѣгаетъ внизъ.
Какъ чернецъ, надъ бѣлымъ саркофагомъ
Въ синемъ небѣ замеръ кипарисъ.

Нѣжныя, какъ дѣвушки, мимозы
Льютъ подъ нимъ узоръ своихъ вѣтвей,
И цвѣтутъ, благоухаютъ розы
На кустахъ, гдѣ плачетъ соловей.

Ниже—дикій берегъ и туманный,
Еле уловимый горизонтъ:
Тамъ просторъ воздушный и безгранный,
Голубая бездна—Геллеспонтъ.

Миръ тебѣ, о юная! Смиренно
Я цѣлую бѣлое тюрбэ:
Пять вѣковъ безсмертна и нетлѣнна
На Востокѣ память о тебѣ.

Счастливъ тотъ, кто жизнью міръ плѣняетъ.
Но стократъ счастливѣй тотъ, чей прахъ
Вѣру въ жизнь безсмертную вселяетъ
И цвѣтетъ легендами въ вѣкахъ!

ТЭМДЖИДЪ.

Онъ не спитъ, не дремлетъ.

Коранъ.

Въ тихомъ старомъ городѣ Скутари,
Каждый разъ, какъ только надлежитъ
Быть срединѣ ночи,—раздается
Грустный и задумчивый Тэмджидъ.

На срединѣ между раннимъ утромъ
И вечернимъ сумракомъ, встаютъ
Дервиши Джелвети и на башнѣ
Древній гимнъ, святой Тэмджидъ поютъ.

Спятъ сады и спятъ гробницы въ полночь,
Спитъ Скутари... Все, что спитъ, молчитъ...
Но подъ звѣзднымъ небомъ, съ темной башни
Не для спящихъ этотъ гимнъ звучитъ:

Есть глаза, чей скорбный взглядъ съ тревогой,
Съ тайной мукой въ сумракъ устремленъ,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призываютъ благодатный сонъ.

Тяжела, темна стезя земная...
Но зачтется въ небѣ каждый вздохъ:
Спите, спите! Онъ не спитъ, не дремлетъ,
Онъ васъ помнитъ, милосердный Богъ.

ПТИЦА.

Мы привязали къ шеѣ каждаго
его птицу.

Коранъ.

На всѣхъ на васъ—на каждой багряницѣ,
На каждомъ пыльномъ рубищѣ раба—
Есть амулетъ, подобный вѣщей птицѣ,
Есть тайный знакъ, и этотъ знакъ—Судьба.

Отъ древности, когда Онъ путь свой началъ,
Онъ совершалъ его среди гробовъ:
Онъ, проходя, свои слѣды означилъ
Зловѣщей бѣлизною череповъ.

Хамсинъ на нихъ горячей мглою дуетъ,
Песокъ, струясь, бѣжитъ по ихъ костямъ,
Всѣмъ чуждая, на нихъ сова ночуетъ
Среди могильныхъ ямъ.

ТАЙНА.

Элифъ. Ламъ. Мимъ.

Коранъ.

Онъ на клинокъ дохнулъ—и жало
Его сирійскаго кинжала
Померкло въ дымкѣ голубой:
Подъ дымкой ярче заблистали
Узоры золота на стали
Своей червонною рѣзьбой.

„Во имя Бога и Пророка.
Прочти, слуга небесъ и рока,
Свой бранный кличъ: скажи, какимъ
Девизомъ твой клинокъ украшенъ?"
И онъ сказалъ: „Девизъ мой страшенъ.
Онъ—тайна тайнъ: Элифъ. Ламъ. Мимъ."

„Элифъ, Ламъ, Мимъ? Но эти знаки
Темны, какъ путь въ загробномъ мракѣ:
Сокрылъ ихъ тайну Мохаммедъ“...
„Молчи, гяуръ!—сказалъ онъ строго,—
Нѣтъ въ мірѣ Бога, кромѣ Бога,
Сильнѣе тайны—силы нѣтъ“.

Сказалъ, коснулся ятаганомъ
Чела подъ шелковымъ тюрбаномъ,
Окинулъ знойный Атмейданъ
Лѣнивымъ взглядомъ хищной птицы—
И тихо синія рѣсницы
Опять склонилъ на ятаганъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

* Звѣздочкой помѣчены стихотворенія, появляющіяся въ печати *впервые.*

